

kontext

Anne Youngson

MEET ME
AT THE MUSEUM

A Novel

Энн Янгсон

ВСТРЕТИМСЯ
В МУЗЕЕ

Роман

Перевод с английского
Дарьи Расковой

ИЗДАТЕЛЬСТВО
FOLIANT
Астана

УДК 821.111-312.7
ББК 84(4Вел)-44
Я60

Copyright © Anne Youngson, 2018

Янгсон, Энн

Я60 Встретимся в музее : роман / Энн Янгсон ; [пер. с англ. Д. Расковой]. — Астана : Фолиант, 2023. — 276 с. — (контекст).

ISBN 978-601-271-591-0

Когда куратор датского музея Андерс Ларсен отвечает на вопрос о древних экспонатах, он не ожидает продолжения переписки. Когда прозябающая в английской глубинке фермерша Тина Хопгуд впервые написала в Силькеборгский музей, она тоже ни на что не надеялась...

Профессор Ларсен, вежливый человек фактов, с потерей жены утратил также надежды и мечты о будущем. Он не знает, что вопрос миссис Хопгуд о всемирно известной древности в его музее вот-вот изменит ход его жизни.

Разделенные сотнями километров, взрослые мужчина и женщина неожиданно вступают в переписку, обнаруживая общие увлечения и привязанности: к истории и природе; к бесполезным предметам, оставленным близкими; к древнему и современному миру, к тому, что потеряно во времени, что приобретено и что осталось неизменным. Через интимные истории радостей, страданий и открытий они раскрывают душу друг другу. Но когда письма от Тины внезапно прекращают приходить, Андерс впадает в отчаяние. Сможет ли эта маловероятная дружба выжить?

«Встретимся в музее» — дебютный (эпистолярный!) роман Энн Янгсон о жене фермера и музейном кураторе, ищущих возможность начать жизнь с чистого листа. Тонкая и глубокая книга, открывшая 70-летней британке путь в Большую Литературу.

УДК 821.111-312.7
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-601-271-591-0

© Д. Раскова, перевод на русский язык, 2023
© Издание на русском языке, оформление.
ТОО «Издательство «Фолиант», 2023

*Фрэнку, Кормаку и Холли,
моим самым юным и любимым*

Поеду я в Орхус однажды,
Увижу коричневый лик,
Кожурки надглазий бумажных
И кожаной шляпы пик.

*Из поэмы Шеймаса Хини
«Толлундский человек»*

Отрывок из предисловия к книге «Болотные люди» профессора Питера Вильгельма Глоба (*The Bog People*, издательство *Farber & Farber*, 1969). Профессор отвечает на письма школьниц, заинтересовавшихся его последними археологическими находками. Книга посвящена девочкам, которые написали ему первыми.

Милые девушки,

вернувшись из пустынь и оазисов Эмиратов, я нашел на столе ваши восторженные письма. Они пробудили во мне желание поведать вам и многим другим людям, которых интересует жизнь наших предков, о необычных находках в датских торфяных болотах. Следующие страницы представляют собой «длинное ответное письмо», адресованное вам, моей дочери Элсбет, вашей ровеснице, и всем, кто хочет узнать о древних временах больше, чем можно прочитать в научных трактатах. У меня было не так много времени, и я не смог закончить свое письмо достаточно быстро. Теперь оно лежит перед вами в виде книги. За это время вы успели повзрослеть, и возможно, еще сильнее проникнетесь моим рассказом о болотных людях, живших две тысячи лет назад.

Искренне ваш,

П. В. Глоб (профессор)

13 августа 1964 года

Бери-Сент-Эдмундс

22 ноября

Дорогой профессор Глоб,
мы не знакомы лично, но однажды Вы посвятили мне книгу. Мне, тринадцати моим одноклассницам и Вашей дочери. Это произошло более пятидесяти лет назад, когда я была еще совсем юной. Чего нельзя сказать обо мне теперь. Мысль о том, что я больше не молода, чрезвычайно занимает меня в последнее время, и я пишу в надежде, что Вы поможете осмыслить хотя бы часть того, что приходит мне в голову. А может быть, я надеюсь, что сам процесс сделает эти размышления более осмысленными, ведь я почти не жду, что Вы ответите. Насколько я понимаю, Вас может уже и не быть на свете.

Одна из моих постоянных мыслей касается планов, которым не суждено было сбыться. Думаю, Вы понимаете, что я имею в виду. Если Вы еще живы, Вам, должно быть, очень много лет и Вы наверняка замечали: многое, чего с уверенностью ожидаешь в юности, так и не происходит. К примеру, Вы могли однажды пообещать себе, что заведете хобби, займетесь спортом, творчеством или ремеслом. А теперь обнаруживаете, что утратили ловкость или больше не так усердны, чтобы взяться за что-то новое. Наверное, на то есть свои причины, но их всегда недостаточно. Ни одну из них нельзя назвать решающим фактором. Невозможно сказать: я планировал заняться живописью, но не смог, потому что выяснилось, что у меня аллергия на масляную краску. Жизнь просто идет своим чередом, а нужный мо-

мент так и не настает. Лично я обещала себе когда-нибудь отправиться в Данию и своими глазами увидеть Толлундского человека. И не отправилась. Из книги, которую Вы мне посвятили, я знаю, что сохранилась лишь его голова, но не красивые кисти рук и ступни. Правда, мне достаточно и лица. Его фотография с обложки Вашей книги висит у меня на стене. Я смотрю на нее каждый день. Каждый день я наблюдаю его безмятежность, его благородство, его взгляд, полный мудрости и смирения. Я словно смотрю на лицо своей бабушки, которую так любила. Всю жизнь я живу в Восточной Англии, сколько отсюда до Силькеборгского музея? Шесть сотен миль по прямой? Как до Эдинбурга и обратно. Я ездила в Эдинбург и обратно.

Это все не так уж важно, хотя и вызывает изумление. Что со мной не так, если я не предприняла даже крошечного усилия, хотя все эти годы Толлундский человек так занимает мои мысли?

В Восточной Англии холодно и ветрено, поэтому я связала себе балаклаву, чтобы не мерзнуть, когда выгуливаю собаку. Проходя мимо зеркала в прихожей, я замечаю свое отражение в профиль и думаю о том, как сильно стала похожа на собственную бабушку. Теперь мое лицо тоже уподобилось лицу Толлундского человека. Те же впалые щеки, тот же нос, похожий на клюв. Как будто я пролежала в земле две тысячи лет и все еще отлично сохранилась. Возможно ли, по-Вашему, что я связана с Толлундским человеком родственными узами, что нас соединяет пусть и путанная, но нить генетического родства? Поймите, я не пытаюсь показать какой-то особенной, ничуть. К числу его потомков,

должно быть, принадлежат очень многие, тысячи и тысячи людей. Я смотрю на других людей своего возраста. В автобусах, на прогулках с собаками, у фургона с мороженым, где они ждут, пока внуки выберут лакомство. У некоторых такие же черты лица, то же выражение умиротворенности, доброты и боли. Но гораздо больше тех, на чьих лицах нет ничего подобного. Они либо беззаботны, либо напряжены, либо глупы, либо пусты.

Правда в том, что я хочу быть особенной. Мне приятно думать, что связь между Вами и мной, установившаяся в 1964 году, не случайна и уходит в глубь веков, к мужчине, почившему в болоте две тысячи лет назад. Я выражаюсь не очень внятно. Не утруждайте себя ответом, если посчитаете, что я даром отняла Ваше время.

Искренне Ваша,
Т. Хопгуд (миссис)

Силькеборгский музей

Дания

10 декабря

Уважаемая миссис Хопгуд,
пишу Вам в ответ на письмо, адресованное профессору Глобу. Профессор умер в 1985 году. Если бы он был жив, сейчас ему было бы сто четыре года. Маловероятно, пусть и не совсем невозможно, что он мог бы дожить до сегодняшнего дня.

Как я понимаю, в своем письме Вы ставите два вопроса:

1. Есть ли объективная причина, по которой Вы не можете посетить музей?
2. Существует ли вероятность того, что Вы дальняя родственница Толлундского человека?

В ответ на первый вопрос я искренне советую Вам сделать над собой усилие, не обязательно большое, и доехать до музея. В аэропорт Орхуса летают регулярные рейсы из аэропортов Станстед, Хитроу или Гатвик, выбор зависит от Ваших предпочтений. Это самый удобный способ добраться до Силькеборга. Музей открыт ежедневно с 10 до 17, в зимнее время — только по выходным, с 12 до 16. Помимо Толлундского человека, Вы также сможете увидеть женщину из Эллинга, а основная экспозиция посвящена людям железного века: как они жили, во что верили, как добывали и обрабатывали минерал, давший название этому периоду в истории человечества. Кроме того, мне хотелось бы немного поправить Вас. Несмотря на то что хорошо сохранилась только голова Толлундского человека, в музее

было воссоздано все его тело, и если Вы все же доберетесь до нас, то увидите фигуру в том виде, в котором ее подняли из болота, включая кисти рук и ступни.

Что касается Вашего второго вопроса, как раз сейчас в Центре геогенетики при Музее естественной истории пытаются выделить ДНК из тканей Толлундского человека. Это поможет нам проследить генетические связи между ним и населением современной Дании. Вы, должно быть, читали в книге профессора Глоба о том, что узор на указательном пальце правой руки Толлундского человека содержит в себе ульнарную петлю, свойственную 68 процентам датчан. Это дает нам все основания полагать, что исследование Центра геогенетики поможет найти и другие подобные связи. Не исключено, что датчане частично связаны общими генами с населением Соединенного королевства благодаря викингам, которые пришли на территорию Дании позже, но часто вступали в браки с ее жителями. Поэтому я считаю, что родственная связь между Вами и Толлундским человеком, пусть и весьма отдаленная, вполне вероятна.

Надеюсь, эта информация окажется полезной для Вас. И с нетерпением жду Вас в музее, если Вы все же решитесь нас посетить.

С уважением,
Куратор

Бери-Сент-Эдмундс

6 января

Уважаемый мистер Куратор,
весьма великодушно с Вашей стороны откликнуться на мое письмо профессору Глобу и даже попытаться ответить на то, что Вы приняли за вопросы. Но они были разве что риторическими. Причина, почему я до сих пор не доехала до музея, никак не связана со сложностями, которые может сулить поездка. Я разменяла седьмой десяток, но на здоровье не жалуясь. Могла бы отправиться в путь хоть завтра. Всего пару раз в жизни это было действительно затруднительно. Если не считать поздних сроков беременности или сломанной ноги, я всегда оставалась физически способной сесть в самолет или на паром и добраться до Дании.

Сказав все это, я неизбежно задумываюсь над реальными причинами своего бездействия, поскольку Ваш ответ на незаданный вопрос подтолкнул меня к честному разговору с самой собой. Прошу понять меня правильно, я пишу Вам, исключительно чтобы объясниться с самой собой. Вам вовсе не обязательно принимать в этом участие. Я не жду от Вас ответа.

Мою лучшую подругу в школе называли Беллой. Это не настоящее имя, и профессор Глоб в своем посвящении упоминает ее иначе. Появлением этого прозвища Белла обязана своей уникальной способности красиво произносить итальянские слова. Иностранные языки давались ей из рук вон плохо, если говорить об умении общаться, но произношение при этом было выше всяких похвал. Ее лю-

бимым словом было *bellissima*. В зависимости от контекста Белле удавалось привносить столько смысла в каждый слог, что слово, произнесенное ей, казалось, начинало значить больше, чем значило на самом деле. По сути, все, что она говорила, несло в себе больше смысла, больше энергии, чем те же самые слова, сказанные кем-то другим.

Мы подружились с первой же встречи, в наш первый школьный день. Она была гораздо ярче меня. Любительница приключений, живущая моментом. Она заражала меня энергией и уверенностью в себе, и за это я ее любила. Что любила она во мне? Я думаю, постоянство. Я всегда была рядом, всегда была готова взять ее за руку. Мы дружили всю жизнь. Всю *ее* жизнь, если быть точной, ведь я, как Вы знаете, еще жива. А ее уже нет. И всю жизнь мы мечтали о том, как поедem к Толлундскому человеку. Понимаете, мы всегда собирались — когда-нибудь, но не сейчас. Прежде всего, нам не хотелось проглотить все лакомство сразу, вдоволь не насладившись предвкушением. Возможно, мы опасались, что наши надежды не оправдаются. Мы надеялись, что эта встреча будет очень важной (хотя вряд ли сами могли объяснить почему), но существовал риск, что ничего подобного не произойдет. Кое-кто из наших одноклассников самостоятельно сорвался в Силькеборгский музей сразу после выхода книги «Болотные люди» на английском языке, если не раньше. Они вернулись с еще большим чувством сопричастности к Толлундскому человеку, профессору Глобу и всему датскому. Мы с Беллой считали их поверхностными и недостойными, а их опыт — совершенно тривиальным в сравнении с тем, что получим мы. Однажды.

Так и не дождавшись подходящего момента, мы обе совершили одну и ту же ошибку: рано вышли замуж. Я вышла за отца своего будущего ребенка, и меня тут же засосало болото фермерской жизни. У меня было предостаточно времени на размышления о столетиях, которые Толлундский человек провел в торфяном болоте, когда я рассматривала илистые отложения разного оттенка на срезе земли в глубокой канаве и пыталась представить, какие слои выбрала бы в качестве матраса и одеяла для долгого-долгого сна. Свою жизнь я похоронила. Ошибка Беллы была в другом. Она вышла замуж за итальянца. Иногда мне кажется, что, если бы мы в школе не выбрали ей такое прозвище, она бы за него и не пошла. Он был хитрым манипулятором. После общения с ним мне казалось, что я пытаюсь одновременно есть пирожное с кремом и кататься на коньках. Он выжал из Беллы все соки. А когда она стала истощенной и бледной, как лист бумаги, он уехал обратно в Италию и забрал с собой их дочь. Ее дочь. Можно подумать, нет ничего невозможного в том, чтобы женщина вернула себе ребенка, которого увезли всего лишь в Милан, да? А вот и нет. Вовлечена оказалась целая толпа народа, и все тянули одеяло на себя, желая победить любой ценой. Все: и представители католической церкви, и суд, и органы опеки — ни секунды не сомневались в правильности своей точки зрения. Я лично никогда ни в чем не была уверена до такой степени. Через десять лет итальянская сторона все же выиграла тяжбу, и Белла тоже уехала в Италию, чтобы быть поближе к дочери.

В самые мрачные моменты того десятилетия одна из нас предлагала поехать в Данию, но вторая всегда отвеча-

ла отказом. Я говорила: «Возможно, если мы хотя бы раз увидим своими глазами лицо Толлундского человека, нам передастся часть его невозмутимости?» Она отвечала: «Секрет невозмутимости Толлундского человека — в долгосрочной перспективе. В прошедших столетиях. У меня же нет никакой перспективы».

Или она говорила: «Я больше так не могу. Поехали в Данию. Вдруг у нас получится снова почувствовать себя юными девчонками, исполненными надежд». Я отвечала: «Но, согласишься, мы с тобой уже не девчонки. Нужно разобрататься с текущими делами, прежде чем думать о чем-то большем и лучшем».

Потом она уехала, а я осталась дома — со скотом, урожаем и моими детьми. Конечно, мы виделись, ездили друг к другу в гости, но заботы взрослой жизни изрядно нас приземлили. Мы размышляли, беспокоились и разговаривали о вещах, которые кажутся важными в середине жизни, когда времени ушедшего и предстоящего остается примерно поровну. О деньгах, здоровье, внешности, мужьях и детях. В те годы мы едва ли вспоминали Толлундского человека, хотя, по-моему, обе чувствовали, что все еще хотим его навестить и что сами пойдем, когда настанет подходящий момент.

Вернувшись из Италии, Белла заболела. Она то и дело ложилась в больницу, пробовала разные схемы лечения и постоянно говорила о том, что будет, когда она поправится. Тогда мы действительно запланировали поездку. Изучили, как лучше добраться до музея, рассчитали стоимость, продумали маршрут. Ощущение было такое, что

мы наконец готовы замкнуть этот круг, прикоснувшись к Толлундскому человеку на излете жизни, как делали это в ранней юности. Мы протягивали руки навстречу руке из далекого прошлого, надеясь стать звеном той цепи, что каким-то образом сохранит нас для будущего.

Белла умерла прежде, чем мы доехали до Вашего музея. Я не знаю, смогу ли совершить это путешествие без нее. Без нее я никогда не планировала этого делать.

Искренне Ваша,
Тина Хопгуд

Силькеборг

20 января

Уважаемая миссис Хопгуд,
благодарю Вас за письмо. Разумеется, теперь я хорошо понимаю, что Вы ожидали от меня совсем других ответов. Я работаю с фактами. Аккумулирую и классифицирую факты и артефакты, по которым можно сделать выводы о жизни людей в железном веке. Моя любимая часть работы — размышления о том, чего нам не дано узнать, потому что время стерло все доказательства. Но, строго говоря, это не входит в мои профессиональные обязанности.

Уверен, Вы извините меня, если я укажу на несколько фрагментов Вашего письма, которые противоречат известным науке фактам. Прежде всего, Вы рассказываете о том, как выбираете слой почвы в графстве Суффолк (и прибегаете в своем описании к поразительному образу, который никогда не родился бы в моем сознании) в качестве последнего пристанища, каким стала для Толлундского человека его торфяная могила. Я изучил состав почв в Восточной Англии и обнаружил, что в нем преобладает мергель, оставшийся от последнего ледникового периода, с вкраплениями более легких песчаных отложений, которые являются следствием геологических процессов в долинах рек. Несмотря на то что в вашем регионе по-прежнему сохраняются торфяные болота, я не уверен, что они расположены вблизи Вашего дома. Толлундский человек был обнаружен между двумя слоями торфа, и, по моему мнению, весьма маловероятно, что Вы смогли бы найти себе подобную постель для вечного сна рядом с фермой Вашего мужа.

Конечно, в вашем регионе Англии существовали поселения железного века. Возможно, Вам будет интересно посетить остатки городищ в Уорхэм Кемпе или Граймс-Грейвсе.

Мне не хотелось бы Вас расстраивать, ведь, насколько я могу судить, Вы тяжело переживаете смерть подруги, и тем не менее я не могу оставить без внимания Ваше неверное представление, будто Толлундский человек сам «выбрал» место, где сохранилось и в конечном итоге было найдено его тело. Дело в том, что в раннем железном веке, в промежутке между 600 и 300 годами до нашей эры, тела умерших традиционно подвергались кремации. Этому сопутствовали определенные церемонии, из которых мы делаем вывод, что подобной процедурой люди воздавали покойнику честь и гарантировали, что переход в мир иной будет спокойным и безопасным. После того, как тело сгорало, кости доставали из пепла, помещали в урны или заворачивали в ткань, а затем хоронили, часто вместе с небольшим кусочком металла (брошью или другим украшением). Именно по этим находкам в могильных холмах мы можем с уверенностью судить о том, какая участь ожидала тела умерших в те времена.

Толлундский человек умер не естественной смертью и, как мы знаем, не был кремирован. Его похоронили вдалеке от поселений — в области, которую незадолго до этого разрабатывали для добычи торфа. У нас нет сомнений в том, насколько ценилось это топливо у его сородичей. Средние температуры тогда были ниже на 2–3 градуса по Цельсию, чем в сегодняшней Дании, а ведь даже в наши дни зимними ночами столбик термометра может опускаться до отметки в –10 градусов. Также топливо было необходимо этим лю-

дям, чтобы готовить каши из различных зерен. Благодаря содержимому желудков болотных людей и другим источникам нам известно, что именно таким был их рацион. В те времена люди преклонялись перед болотами. Не земля, не вода, а нечто среднее, окутанное ореолом тайны. Вряд ли Толлундский человек рассматривал бы болото в качестве спокойного места для последнего приюта. Мои слова звучат сухо и мрачно, и мне так жаль, что я не обладаю умением быстро и элегантно переходить к главному, к тому, что я пытаюсь до Вас донести. По моим представлениям, Толлундского человека принесли в жертву, чтобы умиловать некие силы, дарующие торф.

Но вернемся к вопросу визита в музей, который Вы так долго откладывали. В письме Вы упоминаете мужа и детей. Если Вам не хочется путешествовать в одиночку, может быть, к Вам присоединится кто-то из членов Вашей семьи? У меня самого есть дети (жена, увы, уже не с нами), и они обычно делают вместе со мной то, что мне не хотелось бы делать одному. Потакают мне, кажется, так правильно говорится. Я с большой радостью проведу Вас по музею, если Вы найдете способ до него добраться.

С уважением,
Андерс Ларсен, куратор

Бери-Сент-Эдмундс

9 февраля

Уважаемый мистер Ларсен,

Вы так добры, что продолжаете мне писать. Я вижу в этом одно из преимуществ старения: люди чаще проявляют доброту. То поднимают оброненную мной вещь, то терпеливо ждут, стоя за мной в очереди, пока я снимаю перчатки, чтобы открыть кошелек и расплатиться за покупки. Но Вы меня даже не видите. Вы добры просто к незнакомой корреспондентке. Спасибо Вам за это. Кроме того, Вы просветили меня по некоторым вопросам, и теперь мне стыдно. Я всю жизнь прожила на этой земле и, оказываясь, никогда до конца не понимала ее природу, подмечая только самые поверхностные характеристики: какая она вязкая и блеклая, как хорошо растет на ней малина и как плохо — рододендроны. Я никогда не бывала на раскопках поселений железного века, но теперь собираюсь. Честно. Уже отметила в календаре относительно свободный день и твердо намерена их посетить.

Вы так много знаете о тех, кто жил задолго до нашего рождения в обстоятельствах, невообразимо отличающихся от привычных нам. О тех, кто оставил после себя так мало, что каждая мелочь предельно важна. Зная все это, неужели Вы не мучаетесь от собственной незначительности? Жаль, что в английском нет способа задать этот вопрос как-нибудь безлично, чтоб не звучало так, будто я называю незначительным конкретно вас. Вас, Андерса Ларсена, куратора Силькеборгского музея. Хотя на самом деле я пытаюсь понять,

не кажется ли совершенно ничтожной собственная жизнь любому, кто обладает такими глубокими познаниями, как Вы (на этот раз подразумеваемая именно Вас)?

Вы пишете, что смерть Беллы огорчила меня. Это так. Я все еще скучаю по ней и оплакиваю ее потерю, но, знаете, она исчезла бесследно — ее кремировали, как, по вашим словам, и всех современников Толлундского человека, а прах развеяли по ветру. От Беллы не осталось и следа. Чего нельзя сказать о болотных людях, которые словно недавно расстались с жизнью, а по виду и вовсе не расстались. Они покоятся на всеобщем обозрении, наглядно демонстрируя, что когда-то существовали, жили на земле.

Кажется, я окончательно потеряла нить рассуждений, так что лучше закончу письмо.

С наилучшими пожеланиями,
Тина Хопгуд

Силькеборг
21 февраля

Уважаемая миссис Хопгуд,
не стоит прекращать писать мне. Ваши письма заставляют меня задуматься, и мне это очень нравится, так что, пожалуйста, пишите еще. В частности, сейчас я много думаю о том, что создает историю, ту часть истории, что является объектом моих научных изысканий. Что остается в истории? От чего зависит, что именно в ней останется?

Прежде всего на ум приходит жестокость. Толлундский человек и другие болотные люди умерли насильственной смертью. Если бы не насилие, их тела предали бы огню, как и тела остальных их современников. Кроме того, если задуматься, какие именно артефакты их времен сохранились до наших дней, становится понятно, что очень часто это вещи, так или иначе связанные с убийством. Вероятно, поэтому мы (и лично я, как Вы совершенно верно предположили) чувствуем себя такими незначительными. Все из-за того, что мы не живем в рамках насилия и жестокости и скорее всего не от него погибнем. Не так уж это и плохо. Я с радостью принимаю свою маловажность в обмен на спокойную и мирную жизнь.

Во вторую очередь я подумал о красоте. Некоторые из сохранившихся предметов вполне обыденны и дошли до нас разве что по случайности. Но большинство этих реликвий красивы. Их положили в могилы, потому что они лучшие в своем роде. Другие объекты сохранились потому, что обладают религиозной ценностью, их создавали в качестве подношения богам, а значит, с особым вниманием к эстетике.

В сохранении эстетических объектов есть большой смысл, который, на мой взгляд, распространяется за пределы чисто вещественной привлекательности. Эти объекты имеют смысл для тех, кто смотрит на них и держит в руках после того, как их создатели и владельцы ушли в мир иной. На такие мысли меня наводит не только наблюдение за посетителями музея, которые рассматривают ожерелье или амулет плодородия, и чувства, которые рождаются во мне в эти моменты. Когда умерла моя жена, она оставила мне браслет, который мы вместе купили во время медового месяца в Венеции. Простой серебряный обруч с утонченным орнаментом, выгравированным вдоль всей поверхности. Такую вещь хочется постоянно крутить в руках, трогать, пристально изучать, чтобы в полной мере понять ее красоту. Я изучаю этот браслет и теперь, когда жены нет рядом, потому что у меня не осталось на земле места, куда можно пойти, убеждая себя, что там я стану к ней ближе. Ни могилы, ни урны, ни даже места, где был развеян прах. Поэтому я смотрю на этот браслет как на связующее звено между нами, пусть мы и разлучены навеки. Я рассказываю Вам об этом только для того, чтобы подкрепить свою теорию красоты. Нет никакой определенной причины, почему я не выбрал в качестве такого связующего амулета ее расческу, перчатку, брелок, любую вещь, до которой она при жизни дотрагивалась тысячи раз. Но браслет красив, а все эти вещи — нет.

Простите, что допускаю в нашей переписке такую откровенность.

С уважением,
Андерс Ларсен